

F * W

Цикл
Андрея Поснякова
ЛОЦМАН

Власть шпаги
Сокровища государя

FANTASY * WORLD

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

СОКРОВИЩА ГОСУДАРЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

Серия «Fantasy-world»
Выпуск 42

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Посняков, Андрей Анатольевич

П62   Лоцман: Сокровище государя: роман / Андрей
Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. (Fantasy-
world).

ISBN 978-5-17-123393-8

Громяхают пушки, стелется по земле густой пороховой дым, и ядра со свистом крошат крепостные стены и башни! Лихо атакует конница, сверкают сабли, на море же — корабли под синим, с тремя золотыми коронами, флагом. Флагом шведского короля Карла Густава!

1656 год. Балтийское море — «шведское озеро», шведы на Балтике — всюду. Идет очередная русско-шведская война, и русское войско под командованием самого царя направляется в Лифляндию, цель — осада и взятие Риги. Дело это трудное, и хорошо бы иметь среди осажденных своего верного человека. Таким человеком — посланцем самого государя Алексея Михайловича — и становится молодой тихвинский помещик Никита Петрович Бутурлин, ранее показавший себя в деле в шведском городе Ниене.

Ниен взят, и теперь Бутурлин должен проникнуть в Ригу. Найти себе дело, обзавестись нужными связями, собирать информацию и передавать ее русскому войску.

И все бы хорошо, да попалась Никите Петровичу одна ушлая девица, которую многие считали ведьмой. Ее жемчужно-серые очи как-то незаметно околдовали и нашего героя...

Кроме того, в самом начале войны похищены сокровища из царского обоза, среди которых — памятная для всей государевой семьи иконка...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123393-8

© Андрей Посняков, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

За дальним лесом садилось солнце. Угасало, растекалось пожаром по смолистым вершинам елей, вытягивало по опушкам длинные черные тени. Еще немного — и наступит, упадет тьма, накроет весь лес плотным черным покрывалом, таким, что не видно ни зги. В темно-голубом, темнеющем небе уже загорелись, вспыхнули первые белесые звездочки, а вот настоящей луны не было, лишь огрызок месяца, похожий на кривую татарскую саблю, зацепился за вершину старого дуба да так и висел, тощий, прозрачный, хиленький, ничего особо не освещающий — толку от такого, ага!

Сидевшая на толстой ветке сова вдруг насторожилась, зыркнула взглядом и, к чему-то прислушавшись, шумно забила крылами, поднялась, полетела куда-то в самую чащу. И правильно — на узкой лесной дорожке, из-за поворота, заросшего старым ольховником, показались всадники в коротких кафтанах. Все при саблях, у кого-то и «берендейки» через плечо. «Берендейка» — перевязь через плечо с подвешенными принадлежностями для зарядания пищалей, пенальчиками с пороховыми зарядами, сумкой для пуль, пороховницей — вещь в бою да походе удобная, воинским людям без нее никак.

Всадники ехали на рысях, не шибко торопясь, но и поспешая: как волчья сыть — нога за ногу, сопля за щеку — по дороге не волочились. Впереди — дюжина

на сытых конях, сразу за ними — крытый возок на смазанных дегтем колесах. Четверка лошадей, кучер — здорovuщий мужик с окладистой кудлатой бородою. Крыт возок дорогой узорчатой тканью, сразу видать — не какой-нибудь там торгашина-купчина едет — боярин!

Позади возка — снова всадники: кирасы, палаши, пистолеты, у кого — и каски железные, называемые иностранным словом «морион». Рейтары! Из полков «нового строя», что на немецкий манер устроены и не так давно на земле русской заведены. Командиры у них опять же по-заморски обозваны — никаких тебе воевод, сотников: капитаны, майоры, полковники! Есть и иностранцы, ну, а в большинстве — русские все, из московских дворян.

За рейтарами, растянувшись, шло пешее воинство — бородачи-стрельцы. Кафтаны длинные, красные, тяжелые пищали на плечах, еще и бердыши, сабли — славное воинство! Идут — любо-дорого глянуть, лишь берендейки гремят в такт шагам. Раз-два, раз-два, левой...

— А ну, молодцы... Песню запе... вай!

Грянули молодцы дружно:

— Ой ты, гой-еси, православный царь! Православный царь, повелитель наш.

Громко запели стрельцы. Разнеслась удалая песнь по всему лесу. Тут уж не только сова, тут и зайцы из кустов повыскакивали, и волки хвосты поджали.

— Славно поют, — один из скакавших впереди воинов хмыкнул, сдвинув на затылок шапку.

Молодец — хоть куда. Высок, красив, строен. Весь из себя этакий крепкий, жилистый. Из-под темно-русой челки синие глаза сверкают, борода расчесана, а взгляд такой... начальственный взгляд, как и положено командиру.

Звали молодца Никита Петрович Бутурлин, и было ему двадцать шесть лет. Не женат еще, не пристатилось,

да и родители померли давно. Батюшка, мелкий помещик — «беломосец» — земли северной, тихвинской, иконой своей славной, оставил сыну в наследство чуток землицы с деревенькой Бутурлино и «со людищи» в количестве тридцати пяти душ, из которых большая часть — девки да бабы. Ну и вот, боевые холопы, вон они, скачут чуть позади, рядом. Чернявый осанистый Семен, чем-то похожий на медведя, слева от него — рыжий Ленька, чуть позади — совсем еще юный Игнат... Вот и все помещика Бутурлина воинство! Явился на службу, как наказано — «конно, людно, оружно». Ну, а что людишек маловато — так то не Никиты вина. Не совсем еще оправилась матушка Русь после страшной Смуты, много людей бедовало. Не только простолюдины, но и мелкие дворяне впали в страшную нищету, такую, что многие даже запродавали себя в холопы.

Ну, до Никиты Петрович такое, слава Господу, не дошло, хотя и он, что греха таить, подрабатывал лощманом, проводил торговые суда от посада тихвинского до самого Варяжского моря, и иногда — в Стокгольм-Стекольну. Так бы и перебивался, кабы не начавшаяся недавно война со шведами — вот уж тут Бутурлин себя проявил, без него вряд ли бы славный город Ниен так уж быстро взяли. Воевода, князь Петр Иванович Потемкин, так прямо и сказал: «Без тебя б, Никита, столько бы кровушки пролилось!» Так вот...

С тех славных пор минуло что-то около месяца, война только еще разворачивалась, начиналась, и Никита Петрович оставался при воеводе. Если считать по-немецки, шел июль одна тысяча шестьсот пятьдесят шестого года от Рождества Христова. Князь-воевода Потемкин с большой охраною ехал нынче в смоленские земли, недавно отвоеванные у поляков. Ехал не в сам град Смоленск, а чуть западнее, на полночную сторону — к верховьям Двины-реки, где молодой воевода Семен Змеев, еще по зиме заложив верфь, выстроил тыся-

чу стругов. Струги нужны были для скорого похода на Ригу — как раз по Двине-Даугаве и плыть. Рига принадлежала шведам, и царь-государь Алексей Михайлович намеревался ее воевать, что было бы на руку для всей русской торговли. Да и что сказать, слишком уж зарвались swei — все Варяжское (Балтийское) море своим «шведским озером» сделали! В Риге — шведы, в Ревеле — шведы, в Нарве — они же, вот хоть устье Невы-реки князь-воевода Потемкин для государя отвоевал (с господина Никиты Бутурлина помощью). Ну, кто в Ниен пробрался да вызнал всё? Он, он, Никита! За что и получил в награду шестьдесят талеров, именуемых на Руси ефимками. Деньги хорошие, такое жалование, пожалуй, только полковники получали... да еще приказные начальники — дьяки.

На те деньги Никита задумал выстроить вокруг деревни своей крепкий тын! Пушки завезти... хотя бы кулеврины, да людишек еще прикупить, лучше бы мастеровых, справных...

Задумал... да вот куда некогда было. Война!

— Далеко до села еще? — повернувшись в седле, Бутурлин бросил взгляд на проводника Тимофея — местного мужика из артельных, плотников. Бродяга, если уж так-то — бобыль.

— А версты четыре осталось, — пригладив пегую бороденку, Тимофей потрепал лошадь по гриве. — Что, Каурка, поди, устала?

— С чего ей уставать-то? — громко захохотал едущий рядом Семен. — Не так уж мы и гоним.

— Гнать-то не гоним, да, — проводник согласно потряс бородою. — Однако с утра уж верст двадцать проехали. Один раз всего и отдыхали.

— Ничего, в селе отдохнем! — хмыкнул Никита Петрович. — Раз уж, говоришь, четыре версты... Скоро!

— Никита Петрович! Господи-и-и!

Вырвавшийся вперед Игнатко вдруг осадил коня, да так резко, что едва не вылетел из седла. Вскрикнул, обернулся, указал рукой куда-то на обочину...

Бутурлин поспешно поворотил коня... и перекрестился, увидев рядом, в кустах, изрубленные буквально на куски трупы! Две юные девушки... почти нагие, в одних рубашонках, босиком... Вот страсть-то! Верно, насильничали, устроили «толоки»... Но зачем так-то? Вон, горло рассечено — голова почти срублена... Да и кисть руки у второй еле держится...

Заинтересовавшись ранами, Никита Петрович спешился, наклонился... Да, явно разрублены кости! Видно, какой-то черт забавлялся с девами — силушку свою темную показывал! Истинно — черт, дьявол! А кровищи-то, кровищи вокруг...

Зло сплюнув, Бутурлин обернулся к слугам:

— Семка, давай к воеводе! Хотя нет. Сам доложу.

Вскочив в седло, Никита погнал лошадь к возку, выкрикнул, едва только подъехал:

— Дурные новости, княже!

— Что еще? — откинув полог, из кибитки выглянул круглолицый боярин в наброшенной поверх кафтана епанче, с окладистой, тщательно расчесанной бородою и неожиданно острым взглядом небольших, глубоко посаженных глаз. Собственной персоною Петр Иванович Потемкин — воевода и князь.

Резко оборвалась удалая стрелецкая песня...

— Две молодые девы, убиты и нази, — по-военному четко доложил молодой дворянин. — Раны, господине, весьма занятные...

— Так-так, — Потемкин вскинул брови. — И что там занятного?

— Обычно так бьют моряки! — ни капли не сомневаясь, пояснил Бутурлин. — Тяжелой абордажною саблей.

— Ага... — пригладив бороду, князь почмокал губами. — Ну, в этом ты разбираешься, помню... А где тела?

— Рядом... вон...

Петр Иванович не поленился, выбрался из возка и самолично осмотрел трупы. Почмокал губами, покачал головой, да, сдвинув на затылок шапку, почесал темную, тронутую на висках сединой шевелюру:

— Молоденькие совсем. Юницы... Руки и пятки грубые — знать, крестьянки. И какому ироду понадобилось их убивать? Сегодня убили-то, и не так давно... вон, кровь едва запеклась... Та-ак... Лес прочесать мы до темна не успеем... Тогда завтра! Посейчас же дев этих — в обоз. Завтра и похороним в этом, как его...

— Плесово, княже, — подсказал Никита.

Плесово — так называлось село, где была устроена верфь и куда нынче добирался воевода Потемкин. Ехал не просто так, не новыми стругами любоваться, просто уже совсем скоро в Плесово должен был явиться сам государь Алексей Михайлович. Царь лично занимался подготовкой рижского похода и даже собирался возглавить войско. Вот-вот приедет — и в поход! И — горе Риге, горе — Лифляндии!

Что же касается Потемкина, то тот должен был получить указание относительно его собственной армии, той, что захватила Ниен. Что дальше-то делать? Стоять в Орешке? Или идти воевать Выборг? Людей, конечно, для такого похода маловато, но как велит государь, так и будет. Хоть Выборг возьмем, хоть Стокгольм!

Неожиданно улыбнувшись, князь покивал:

— Да, Плесово... А сейчас мы где ночуем?

— В каких-то Жданках, княже.

— Большая деревня?

— Да нет... И церкви там нету.

— Тогда дев несчастных везти до Плесово. Там погребсти. Да и... может, из родных кто опознает? Ну, что стоишь, сотник? Двигаем дальше!

Вытянувшись, Бутурлин снова взметнулся в седло. Звание сотника он тоже получил после взятия Ниена

и ныне возглавлял передовой отряд, командуя сотней головорезов из таких же, как и он сам, небогатых провинциальных (городовых) дворян да детей боярских. При каждом помещике имелись боевые холопы, у кого больше, у кого меньше, но у каждого — небольшой отрядец. Все, как и должно — «конны, людны, оружны». Вот-вот получат и жалованье — с царем едет на верфи солидный обоз!

Жалованье это хорошо... Никита Петрович подогнал коня — в Жданки надобно было успеть засветло, а скорость всего воинства зависела от авангарда. Жалованье... Каждому служилому дворянину полагалось по пять рублей в год, а Бутурлину, как сотнику, и все восемь! Деньги не такие уж и большие, один боевой конь стоил десять рублей. Не в деньгах, конечно, дело — в земле. Коль подсуетиться, так Поместный приказ, по воеводе слову, может и еще землицы начислить. К примеру, покойного соседа, боярина Хомякина земли... ну, то озерцо, которое спорное. Князь Петр Иваныч, к слову сказать, давно тот вопрос разрешить обещался. Не забыть бы напомнить, ага.

Пока молодой помещик занимался ратными делами, хозяйством на его землях заправляла юная ключница Серафима, дева, несмотря на возраст, умная, ушлая, да в придачу еще и красивая — не оторвать глаз! Стройный стан, грудь упругая, коса светлая девичья, ресницы длинные, пышные, трепетные, очи же — ярко-голубые... как у давнишней пассии Никиты Аннушки Шнайдер, дочка богатого купца из Ниена. Ах, Анна, Анна... Целовались ведь когда-то, ага. Однако уже около года как увез Аннушку в Ригу мерзкий ее женишок Фриц Майнинг! Увез, увез, гад ползучий... И как теперь Анну из Риги добыть? Поехал бы, на корабле бы поплыл — вызволил бы... Кабы не война, не дела государевы да не служба ратная.

Впереди, за кустами, показались тусклые огоньки — за затянутыми бычьими пузырями оконцами крестьяне уже зажгли лучины. В деревне насчитывалось пяток изб, каждая огорожена невысоким забором. Во дворах виднелись сараи и прочие постройки, обязательный колодезный сруб с высокой жердиной — «журавлем». Почуввав чужих, у ворот заблажили, залаяли псы.

— Это твои Жданки? — оглянулся Бутурлин.

Проводник тотчас же закивал, заулыбался:

— Да, да, они и есть. Вон и староста бежит уже...

И впрямь, завидев вооруженных всадников, из крайней избы выбежал длиннорукий мужик с мосластым лицом и рыжеватою бородою. Подбежав ближе, мужик снял с головы треух и бухнулся на колени прямо в дорожную пыль:

— Нетути у нас ничего, люди добрые! Одначе кой-что по сусекам соберем. Токмо деревню не жгите!

— Это с чего ты взял, что мы будем ее жечь? — презрительно хмыкнул Никита Петрович. — Была нужда, однако.

— Мы свои, Антип, — наконец, вставил слово проводник Тимофей. — Меня-то ты не признал, что ли?

— Тебя-то признал, — прижав треух к груди, староста опасливо прищурился. — А вот с тобой кто...

— Мы — князя-воеводы Петра Ивановича Потемкина войско! — Бутурлин горделиво выпятил грудь. — Сам князь здесь. А я — его сотник. Так что, борода многогрешная, давай-ка тут не блажи, а веди князюшку на ночлег, в избу. Также сотников да десятников по избам размести. Остальным покажешь, где табором встать можно. Понял, борода?

— Понял! Как не понять, господине?

Обрадованно перекрестившись, староста Антип бросился обратно к избе, закричал, замахал руками:

— Овдотья, девки... эй... Стол накрывайте, ужо! Гуся, гуся режьте...

Сам князь с рейтарским полковником и начальным стрелецким воеводою расположились на ночлег в избе старосты, тут же, во дворе разбили шатры и слуги, запалили костер, чего-то варили, жарили, бросая кости собакам, опасливо забившимся в свои будки. Рейтары разбили шатры на лесной опушке, среди пахучих трав, чуть поодаль разложили костры стрельцы, а уже за ними — служилые: дворяне да дети боярские со своими людьми.

Вкусно запахло похлебкой: варили из вяленого мяса, заправляя для густоты мукой. Бутурлин, как и положено сотнику, устроился в дальней избе, большой и полной народу. Пока ужинали, все время сновали туда-сюда какие-то бабы, девки в глухих темных платках. Приносили еду и питье, уносили посуду, о чем-то вполголоса переговаривались, искоса поглядывая на постояльцев — Никиту Петровича и двух рейтарских капитанов. Один из господ офицеров оказался немцем из Бремена, второй — француз, но немецкую речь знал сносно. Так и общались, да, поужинав, сели перекинуться в карты. Наскоро, ибо подниматься завтра нужно было рано, с зарею.

Поначалу игра особо не ладилась — немец все никак не мог привыкнуть к мастям. Они ведь в каждой стране — наособицу. Во Франции, как и на Руси-матушке — черви, бубны, трефы, а вот в немецких землях не так — там то желуди, то фрукты какие-то, поди пойми.

В рейтарском обозе имелся бочонок пива, его и выпили, вернее сказать — допили, как раз и игра стала ладиться. У хозяина избы, местного крестьянина Фрола, мужика, по всему, не бедного, нашлась медовуха — стали пить и ее, оказалось — забористо! Захмелев, Никита Петрович не на шутку раздухарился, кидая карты на стол с неопикуемым азартом... и, только проиграв запасное седло, притих да принялся широко зевать, закрывая рот рукою и поминутно крестясь на висевшую в углу

икону, засиженную мухами до такой степени, что невозможно было разобрать, кто же на ней изображен.

Хмыкнув, Никита Петрович ухватил за локоть прошмыгнувшую мимо девчонку:

— А скажи-ко, дева, кто тут на иконке-то?

— На иконке-то? Дак Николай Угодник, господине.

Отвечая, девушка повернула лицо — бледное, какое-то снулое и несчастное, но вполне миленькое и даже по-крестьянски красивое... Если бы не растекшийся по всей скуле синяк под левым глазом!

— Кто это тебя так?

— Да так... — Девка пожалала плечами, однако уходить вроде как не спешила, все убиралась, уносила посуду да заинтересованно поглядывала на картежников — видать, забава сия ей оказалась в новинку. Да и насчет поболтать девчонка оказалась не душой, постояльцев вовсе не сторонилась.

— А это что за игра такая? Карты?! Вот, ей-богу, первый раз вижу, ей-богу! А вы надолго у нас? Ах, завтра уже уедете... А куда? В Плесово? А, знаю. Где струги. Воевода там такой... строгий.

Нет, в самом деле — премиленькая! Густо-рыжая коса, тонкие бровки, губки розовым бантиком, и глазницы, ровно у кошки — зеленые.

Рейтары тоже уже поглядывали на деву, и верно, вскорости перешли бы к самым решительным действиям, да только вот помешал некстати проснувшийся хозяин, Клим.

— Меланья! Ты что тут рыщешь, гостям почивать не даешь? А ну, в людскую пошла! Там нынче спите... Ну, пошла, кому сказал!

Хлопнув девчонку пониже спины, Клим пригладил бороду и довольно осклабился:

— Племянница моя. Артачиться любит, но так — девка справная. Лес наш знает — лучше иного охотника. И сама на охоту ходит!

— Девка? На охоту? — постояльцы недоверчиво переглянулись. — И как?

— Пустая не возвращалась! То зайца принесет, то куропаток, то рябчика.

— Хорошо, не тетерева! — укладываясь на широкую скамью, пошутил Бутурлин.

Хозяин тут же закрестился:

— Тыфу ты, тыфу ты! Скажешь тоже, господин. Нешто мы какие басурмане-нехристи — тетеревов жрать?

В деревнях обычно ложились рано, зря лучины не жгли. Да и вставали — с солнышком, с зарею. Июль — пора сенокоса, да и первые ягоды пошли — хватало забот. Немного поговорив, улеглись спать. Хозяин — на сундуке, хозяйка с малыми детьми — на печи, дети постарше — под самым потолком, на полатах, ну, а важные гости — на лавках вдоль стен.

Бутурлин долго не мог заснуть, все ворочался на покрывавшей лавку медвежьей шкуре. Буйную головушку витязя терзали всякие разные мысли, и многие были — срамные. Снова вспомнилась Серафима-ключница, ее пушистые ресницы, улыбка, глаза... и еще — грудь с большими трепетными сосками. Славная девушка Серафима, ай... Просила выдать ее замуж за Федора Хромого, что кожевенным делом промыслял. Просила, да ведь помер Федор... С другой стороны, зачем за кого ни попадя такую справную девушку выдавать? Серафима... Ох, и тело у нее, ох и перси... И, главное, пухлой не назовешь! Хотя... Аннушка, верно, и похудее. Да нет! Аннушку-то Никита Петрович нагой не видел, это Серафиму — много раз. И не только видел, а и... Ну, так на то оно и дело молодое, да и Серафима — не с улицы девка, а своя, челядинка, раба.

Не спалось Никите, ворочался. Услышал вдруг, как сквозь неплотно прикрытую дверь с улицы донеслись приглушенные голоса. Один — девичий, вто-